

народнохозяйственного плана социалистического государства, содержит совершенно реальные мероприятия, ведущие к полному устранению всех тех пороков, которые свойственны организму капиталистического города. Впервые реальностью, а не бумажной схемой, сделались такие важнейшие градостроительные принципы, как ограничение роста городов на основе планового построения всего народного хозяйства, плановая застройка города, плановое строительство культурно-бытовых сооружений, реконструкция городских кварталов, массовое строительство жилых и общественных зданий,

обслуживающих все население города. Если бы Мэмфорд присмотрелся к практике советского градостроительства, то он получил бы ответ и на другой кардинальный вопрос, — об уничтожении противоположности между городом и деревней. Но Мэмфорд предпочитает предаваться философическим раздумиям над судьбами современного города. Реальность и реальное остается за пределами капиталистической культуры, которую так остро бичует Мэмфорд и о спасении которой он так страстно молится.

Архитектор

Б. Э Т И Н Г И Н

Политическая лирика Альфреда Керра

Альфреду Керру 72 года; нельзя не порадоваться тому, что его стихи последних лет так жизнерадостны. С именем критика Керра связан значительный этап истории немецкой (и не только немецкой) литературы. Керр — свидетель и участник литературной жизни последнего десятилетия XIX века и трех десятилетий двадцатого. Импрессионизм пропитал критическое творчество Керра настолько, что статьи его сами по себе были импрессионистскими художественными произведениями. Казалось, что они пишутся для близких друзей, умеющих понимать с полуслова. Но читатель легко становился близким другом Керра: в статьях не было мертвой изысканности, столь свойственной импрессионизму. Несомненно, Керр тесно связан с буржуазной культурой, и культура эта и ее традиции во многом определяют его творчество. Но Керр умеет смотреть на мир широко раскрытыми глазами и видеть все хорошее и новое в мире. В 1930 году, когда Керр был опасно болен, он написал стихи,

в которых назвал то, с чем ему более всего жаль расставаться. Список очень длинен, и мы находим в нем строки, которые в переводе звучат примерно так:

«С шумливыми янки за океаном,
С приморским и свежим шлезвигским летом,
С мудрым законом Страны Советов,
С французским говором на «Кэ Вольтер»,
С современниками из разных сфер,
С Альбертом Эйнштейном — единым великим,

С бетховенской музыкой, мудрой и дикой.
Самая интонация показывает, что стихи Керра написаны, прежде всего, как беседа с добрым знакомым.

Этой интимностью и хорошей фамильярностью пронизана и книга «Melodien». Стихи в ней подобраны по музыкальному принципу, и части книги носят подзаголовки: фуга, анданте, рондо, аллегро и т. д. Тема Бетховена проходит в «Финале».

Собранные в книге стихи разнородны. Одни из них написаны в годы эмиграции, другие значительно раньше. Одни полны политического боевого задора, другие лирической интимности. Их связывает любовь к жизни —

главная тема этой книги. Любовь к жизни, порождающая ненависть к врагам жизни и человечества. Эта ненависть звучит в обличительных стихах против фашизма, в первом разделе книги. В немецкой антифашистской сатирической поэзии очень часто воскресает дух «Современных стихотворений» Гейне. Мы видим это и у Керра. Тогда, например, когда он высмеивает гитлеровские декреты в области искусств и «проекты» применения стерилизации к художникам. «После победы над фашизмом,— говорит Керр,— мы не будем насильственно стерилизовать его руководителей, кстати, в отношении некоторых влиятельных особ, это было бы излишним». Есть островки — Гуано, где гады собирающиеся там в огромном количестве птицы. А есть и такие острова, как остров св. Елены, куда был сослан Корсиканец, это — остров скалистый, тихий и вполне благоприличный. Если нужно будет сослать кровавого бандита, который корчит из себя Корсиканца, то его надо направить в родную стихию — на островок Гуано.

В ряде стихотворений Керр предупреждает западные страны, поощряющие «стремление на восток» немецких фашистов, о том, что «стремление» может повернуться и на запад. События сегодняшнего дня блестяще подтверждают эти слова Керра.

Полны нежности стихи Керра о родине. Пронизаны солнцем стихи о Франции, первом убежище Керра после фашистского переворота. Особенно запоминается стихотворение «Поездка в Ним», где очень ярко дан колорит южной Франции. Керр очень любит все радости бытия, и описание завтрака в этом стихотворении способно возбудить аппетит не хуже фламандского натюр-морта. Полны дружеской фамильярной нежности стихи, посвященные различным деятелям антифашистской эмиграции.

В стихах, посвященных еврейству, есть много острых строк, высмеивающих «обвинения», предъявляемые фашизмом еврейскому народу.

Как ни остры подчас антифашистские стихи Керра, все же необходимо отметить поверхностность многих из них. Керр подвергает осмеянию внешнюю, слишком очевидную нелепость и жестокость фашизма. Слишком «самостоятелен» фашизм в изображении Керра, слишком затушеваны подлинные хозяева его. Трудно требовать от человека возраста Керра полного идеологического перевооружения. Тем более, что позиция Керра по отношению к фашизму совершенно недвусмысленна. Керр не последовал примеру своего бывшего друга и ровесника Гауптмана. Дружба окончилась тогда, когда началась фашистская карьера Гауптмана. Читатели помнят, вероятно, гневное открытое письмо Альфреда Керра бывшему другу: «Стыдно, Гергард Гауптман!».

Альфред Керр, наследник старой, благородной немецкой культуры, не побоялся на склоне лет уйти в изгнание из родной страны, опозоренной варварами. Против варваров он выступает со стихами, полными гнева и презрения. Глубоким уважением и любовью звучат строки, посвященные «Незаконным борцам в Германии»:

Надолго нам запрещена
Родная некогда страна.
Изгой мы, и отчужденье
Владеет нами даже в снах.
Но в вас мы видим возрожденье
Родной страны. Презревши страх,
С тем, кто всех больше ненавидим,
Вступили в бой вы. И мы видим
Германию — в ее сынах!¹

¹ Перевод всюду мой. Б. Э.